

Бурная жизнь Евгения Кумминга: в Москве (1918–1921)

© 2023, А.Б. Устинов
Center for Open Studies,
Сан-Франциско, США

Аннотация: В работе предпринята реконструкция московского периода литературной биографии поэта и драматурга Евгения Львовича Кумминга (1899–1980), начиная с учреждения Всероссийского Союза поэтов в декабре 1918 г. и до его эмиграции в Эстонию весной 1921 г. В статье описывается его участие в московских литературных объединениях «Зеленая мастерская», «Литературный особняк», «Звено» и восстанавливается исторический контекст его активной творческой деятельности. Литературная жизнь тех лет во многом была сосредоточена в писательских клубах, кафе, где проходили многочисленные вечера с чтением стихов, полемическими выступлениями и т. п. В статье подробно прослеживается участие Е. Кумминга в подобных литературных собраниях. В приложении публикуется «драматическая трилогия» Е. Кумминга «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки» (1920) — яркий образец поэтического авангарда пореволюционных лет.

Ключевые слова: Евгений Кумминг, Вениамин Каверин, московская литературная жизнь конца 1910-х – начала 1920-х гг., литературный быт, «Литературный особняк», «Зеленая мастерская».

Информация об авторе: Андрей Борисович Устинов — доктор филологических наук, PhD, Fellow at Center for Open Studies, 75 Alta Road, Stanford, CA 94305, USA.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0521-0974>

E-mail: abooks@gmail.com

Для цитирования: Устинов Андрей. Бурная жизнь Евгения Кумминга: в Москве (1918–1921) // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 186–229. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-186-229>

Когда по миру шли повальные аресты
И раскулачиванье шло и геноцид
То спасшиеся разные евреи
И русские, и немцы, и китайцы
Тайком в леса бежали Подмосковья
И основали город там Москву
О нем впоследствии редко кто и слышал
И москвичей живыми не видали

Дмитрий Александрович Пригов

Как часто, будущие мореходы,
Читали мы, волнуясь и хмелея,
Евангелие от Гогэна. Помнишь:
Кренился день, хрустел протяжно гравий,
Холодный вал, сиренью заглушен,
Отметил пыльное рукопожатье.
Ты выбрал юг. Я жался на Арбате,
Загрabenный, распластаный, бездомный.

Евгений Кумминг

Рассказывая о начале своего литературного пути в «Русском Берлине», Глеб Струве посвятил одну из глав своих ненаписанных *in toto* воспоминаний литературному кружку «Братство Круглого Стола»:

Кружок этот был не только частный, но и тайный, <...> назывался довольно громко и смешно: «Братство Круглого Стола». Название было придумано, как и многое другое в этом кружке, Леонидом Ивановичем Страховским <...>. Тогда, в Берлине, он был известен как автор стихов и рассказов, которые подписывал псевдонимом «Леонид Чацкий». <...>

Другие члены кружка были уже нашими общими знакомыми по литературному Берлину. В протоколе первого собрания кружка, которое происходило 8 ноября 1922 г., перечисляются восемь членов-учредителей. Это — В.А. Амфитеатров-Кадашев, сын А.В. Амфитеатрова, ставший председателем кружка; Сергей Горный, писатель-юморист, приобретший некоторую известность еще в России (это был псевдоним С.А. Оцуца, брата поэта Николая Оцуца); Сергей Кречетов, известный еще с начальной эпохи символизма; Иван Лукаш, молодой писатель-прозаик, начавший писать незадолго

до революции или в начале ее (он стал товарищем председателя кружка); Владимир Сири́н (т. е. В.В. Набоков); пишущий эти строки; В.Е. Татаринов, журналист, в то время сотрудник газеты «Руль»; и Леонид Чацкий <...> [8, с. 190–192].

Несмотря на то, что это «общество являлось тайным», как было сказано в протоколе первого собрания «Братства Круглого стола», тем не менее, «посещали заседания кружка и другие: например, поэт Владимир Корвин-Пиотровский, который на заседании читал свой рассказ; а также Н.С. Арбузов, у которого потом был книжный магазин. Но так как более поздние протоколы не сохранились, не могу сказать, были ли они “кооптированы” в кружок или были его гостями» [8, с. 192]. Среди таких «гостей» нужно назвать и Евгения Кумминга (известного также, как *Евг.* или *Е. Комнин*), ёмкую справку о бурной жизни которого в своем «Словаре псевдонимов русского зарубежья в Европе» приводит Манфред Шруба:

Кумминг Евгений Львович (Eugen Kumming; 18.10.1899, Москва — 27.5.1980, Мюнхен), поэт, журналист, редактор, переводчик; в эмиграции с 1921 г.; жил в Германии; в 1933 г. редактор-издатель берлинской газеты «Новое слово»; во время Второй мировой войны в Вермахте в качестве переводчика на восточном фронте; после 1945 г. жил в Мюнхене, в 1953–1954 гг. директор радиостанции «Свобода». Псевд.: 1) Е. К.; 2) Е. К-н; 3) Комнин, Евгений [Комнин, Евг.; Комнин, Е.]; 2) Е. К. [10, с. 624].

Литературная биография Кумминга началась в Москве: его подпись стоит под уставом Всероссийского профессионального Союза поэтов, который был утвержден коллегией Наркомпроса 16 декабря 1918 г. и заявил о себе как «учреждение культурно-просветительное, и целью его является духовное и экономическое объединение членов союза во имя революционного строительства новой жизни на основах советской конституции» [6, с. 315]¹. Однако полноценная деятельность этого литературного объединения не удалась. «Скоро справит первую годовщину “Всероссийский Союз поэтов”, основанный рядом молодых поэтов с В. Каменским и В. Шершеневичем во главе, — писал газетный обозреватель. — Деятельность Союза,

¹ Среди других подписавших устав Союза поэтов в контексте биографии Кумминга для нас представляются значимыми председатель Василий Каменский, секретарь Вадим Шершеневич, поэты Рюрик Ивнев и Василий Федоров, а также будущие «люминисты» Тарас Мачтет и Наталия Кугушева.

насчитывающего до 300 членов (в числе коих А.В. Луначарского), свелось преимущественно к публичным выступлениям на эстраде Союза в “Кафе Домино”»².

Одновременно в той же хронике рассказывалось об учреждении «Литературного особняка» — едва ли не самой всеобъемлющей литературной группы Москвы 1920-х г.:

При Союзе книгоиздательство «Чихи-Пихи» поэтов левого крыла и несколько секций. Секция классической и неклассической поэзии, организованная при Союзе рядом молодых поэтов (с Е. Волчанецкой, Л. Красиным и Н. Захаровым-Мэнским во главе), вследствие нескольких разногласий отделилась от Союза и перешла под ведение «Среды», переименовавшись в Кружок поэтов «Литературный Особняк». Председателем Кружка состоит поэт О. Леонидов. Собрания ведутся еженедельно. В Кружке до 50 членов, с В. Брюсовым и К. Бальмонтом во главе³.

Можно не сомневаться, что Кумминг сначала также принял участие в деятельности «Литературного особняка», но долго там не продержался: группа существовала при Союзе поэтов, а ситуация в самой художественной организации продолжала стабильно ухудшаться. Ровно полгода спустя ежедневная петроградская газета «Жизнь искусства» писала о пертурбациях, происходящих в этом «культурно-просветительном учреждении»:

Совершенно реорганизовался Всероссийский Союз Поэтов, принявший за последнее время слишком нежелательный характер, благодаря выходкам поэтов-имажинистов⁴. В настоящее время во главе союза встали представители всех течений, внешний вид изменен коренным образом, надписи, часто мало цензурные, сняты, стены

² Литературные кружки и общества // Вестник театра. 1919. № 37, 14–19 октября. С. 15.

³ Там же, с. 15. «Литературный особняк» стал «автономной организацией в декабре 1919 г. [6, с. 345]. 5 декабря в Моссовете был зарегистрирован «устав Кружка поэтов и литературных критиков “Литературный особняк” <...>. Председатель кружка О. Леонидов [Шиманский]; члены: Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, В. Брюсов, В. Бутягина, Е. Волчанецкая, М. Гальперин, Н. Гиляровская, В. Гиляровский, Н. Захаров-Мэнский, С. Зотов, В.П. Иванов, Н. Кугушева, В. Лобанов, К. Лукьянова, Н. Минаев, М. Нетропов [Портен], М. Павлова, Я. Полонский, А. Присманова, М. Ройзман, Д. Туманный [Н. Панов], В. Федоров и др.» [6, с. 458–459].

⁴ Имеется в виду «деятельность» председателя «Сопо» (московский акроним для Союза поэтов) Вадима Шершеневича и примкнувших к нему Анатолия Мариенгофа, Александра Кусикова и Рюрика Ивнева.

союза покрыли карикатуры худ<ожника> Мака⁵. При Союзе организована библиотека и налаживается 1-ый сборник Всероссийского Союза Поэтов. Председателем Союза состоит М.П. Герасимов⁶.

Кумминг воспользовался этой рокировкой в «Сопо» и во второй половине февраля 1920 г. стал одним из организаторов поэтического объединения «Зеленая мастерская», созданного «на правах секции Союза поэтов» [6, с. 520], о чем не преминул сообщить еженедельник «Вестник театра» — московская альтернатива петроградской «Жизни искусства»:

В прошедший понедельник <16 февраля> исполнилась годовщина кружка поэтов и критиков «Литературный Особняк».

В прошедший вторник на заседании «Звена» были заслушаны рассказы писателя Портнова «В дороге» и «По лесной тропе». Рассказы, написанные живо и образно, вызвали ряд прений. В заключение поэт Я. Полонский прочел ряд своих стихотворений. В Москве организовалось в виде секции Союза поэтов новое общество: «Зеленая мастерская», основанная рядом молодых поэтов левого направления. В правление вошли поэты <Евгений> Кум<м>инг, <Теодор> Левит и <Ипполит> Соколов⁷.

Возможно, что с деятельностью этого общества связана опубликованная в том же «Вестнике театра» слегка безумная, как всё вышедшее из-под пера Соколова, «Декларация права “на свист”» — его индивидуальный вклад в литературное или, скорее, театральное утверждение «Зеленой мастерской»:

§ 1. Люди рождаются свободными одобрять или не одобрять то, *что* и *как* изображается на сцене или на эстраде.

§ 2. Только в таком случае можно говорить о «со-творчестве» зрителя, если он *немедленно* реагирует внешним образом на протекающее действие.

§ 3. Выход театра из коробки-сцены в театральный зал утверждает *равноправие аплодисмента и свиста*.

§ 4. Формы одобрения общеизвестны. Формы неодобрения многообразны — и допустимы все, кроме сопряженных с членовре-

⁵ См. ниже в фельетоне Вл. Пяста.

⁶ Литературная хроника Москвы (От нашего корреспондента) // Жизнь искусства. 1920. № 401–402, 18–19 марта. С. 3.

⁷ Литературная неделя // Вестник театра. 1920. № 54. 24–29 февраля. С. 15.

дительством. Из них *свист* является <формой> наиболее экономной и подходящей для всех широт и долгот.

§ 5. Право на *свист* ограничивается: а) воспрещением прибегать для производства свиста к механическим приспособлениям, напр<имер>, сооружать в зрительном зале фабричные гудки и б) нераспространением этой гражданской свободы на мальчишек-папиросников⁸.

Важно подчеркнуть, что в «Зеленой мастерской» Кумминг выступал также как часть театральной составляющей. Его настоящая *claim to fame* — созданная для сцены «драматическая трилогия», выстроенная на трех сменяющих географические декорации эпизодах «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки»⁹ была опубликована в журнале «Художественное слово» в середине 1920 г.¹⁰ А осенью того же года он ничтоже сумняшеся выпустил литографическим способом книжку¹¹ «Драматические опыты. Петрушка-пилигрим: Забавный миракль. Смерть Варлена: Фрагмент. Театр Мировых Панорам: Представление» (Петербург, <1>920. 32 стр.)¹².

Тем не менее, еще до учреждения «Зеленой мастерской» Кумминг стал участником литературного кружка «Звено». Как отмечал газетный обозреватель, «Москва характеризуется обилием литературных группировок, школ и образований, среди которых преобладают стихотворческие группы»¹³. Объединение «Звено»

⁸ С<около>. Декларация права «на свист» // Вестник театра. 1920. № 75. 30 ноября. С. 15.

⁹ Интерпретация этой комедии абсурда дается в статье: [11].

¹⁰ См. Приложение 1.

¹¹ Открывается дедикацией: «Посвящаю Нине Ильинишне *Шофман*. 18/9 – 920. Москва» (С. 3).

¹² РНБ. Шифр: 37.62.2.402; с дарственной надписью: «С. Курлянд. Я Вас знаю только мельком, — но это не причина, чтобы отказать себе в удовольствии послать Вам книгу. ЕКумминг 6/Х 20». Там же объявлены другие «Книги того же автора»:

Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки. Драматическая трилогия. Весна 920 г.

Путешествующие бредни — стихи. 919–920 г.

Заметки об искусстве Миганаджиана. 920 г.

и отдельно, на задней обложке:

С. Буданцев. Родина и современник. — поэма. —

М. Тэ (Михаил Туркельтауб. — А.У.). Bautta. Лирическая пыль.

¹³ *Ростовцев К.* Литературный Петроград // Накануне. (Берлин). Литературная неделя. 1923. № 514. 25 декабря. С. 11. Ср. в хронике: «В субботу во “Дворце Искусств” состоялся вечер поэтов Н. Кугушевой, З. Хацревина, Т. Мачтета, Я. Полонского, А. Струве, <Н.> Вольпин и <Л.> Ещина. В заключение Эйгес и Борисак исполнили несколько сонат Бетховена. В прошлый понедельник в “Союзе поэтов” состоялся диспут о театре. Докладчик б. Глубоковский, в прениях выступили В. Шершеневич и другие» (Литературная неделя (За четырнадцать дней) // Вестник театра. 1919. № 40. 4–7–9 ноября. С. 15).

(позднее — «Литературное звено») было учреждено 20 июля 1918 г. на квартире В. Львова-Рогачевского (Трубниковский пер., 24, кв. 12) [6, с. 233], но первое его собрание состоялось только 20 декабря того же года [6, с. 318]¹⁴. 18 ноября 1919 г. на собрании «Звена» читали стихи будущие товарищи Кумминга по «Зеленой мастерской»: как сообщал корреспондент «Вестника театра», «выступили с рядом стихов поэта Н. Кугушева и поэт <Я.> Полонский»¹⁵. 9 декабря 1919 г. там прочитал стихи Матвей Ройзман, еще один участник «Зеленой мастерской».¹⁶ Сам Кумминг выступил в «Звене» 2 марта 1920 г. вместе с Наталией Кугушевой и Яковом Полонским со стихами вслед за читавшим прозу Борисом Пильняком [6, с. 523].

«Во вторник в “Литературном Звене” писатель Пильняк прочел свой новый рассказ “При дверях”, вызвавший оживленные прения. Следующие диспуты “Звена” будут посвящены театру и критике», — констатировал хроникер «Вестника театра» и далее делал замечание по организационным делам: — «15 марта состоится в “Литературном особняке” заседание представителей всех московских кружков и критиков. Кружки предполагают обратиться к Литературному Отделу с ходатайством признать организуемое ими бюро, как совещательный орган при Отделе»¹⁷.

Вскоре литературные пути Кумминга, с одной стороны, и Теодора Левита и Ипполита Соколова, со-организаторов «Зеленой мастерской», с другой, — кардинально разошлись. Последние затеяли «хартию экспрессионистов» — новое поэтическое течение, созданное на злобу дня, поэтому на устроенном «Литературным особняком» 29 марта 1920 г. чествовании Константина Бальмонта «в связи с 30-летием выхода его первой книги» [6, с. 536–537]¹⁸, где

¹⁴ См. сообщение в литературной хронике: «Интересная работа ведется в Кружке “Звено”, во главе которого стоит критик В.Л. Львов-Рогачевский и которое насчитывает более 80 членов. Кружок приступил к редактированию первого сборника произведений своих членов» (Литературные кружки и общества // Вестник театра. 1919. № 37. 14–19 октября. С. 15).

¹⁵ Литературная неделя // Вестник театра. 1919. № 44. 2–7 декабря. С. 14. Здесь же сообщалось о продолжении пертурбаций в Союзе поэтов, хотя на этот раз новости были более положительные: «Освобожден из-под ареста председатель Всероссийского Союза поэтов В.Г. Шершеневич. В прошлую субботу исполнилась годовщина основания Союза поэтов».

¹⁶ Вестник театра. 1919. № 46. 16–21 декабря. С. 15.

¹⁷ Вестник театра. 1920. № 57. 16–21 марта. С. 14.

¹⁸ Ср. в отчете: «Закончу свое письмо о чествовании “солнечного” поэта К.Д. Бальмонта по случаю исполнившегося тридцатилетия. Чествование было устроено кружком “Литературный Особняк” и в его помещении. Говорились речи, читались приветственные стихи, — всё честь честью. В числе приветствовавших были все видные московские литературные мужи, В.<Л.> Львов-Рогачевский,

возможно присутствовал Кумминг, Левит и Соколов выступали «от экспрессионистов», а не от «Зеленой мастерской»¹⁹.

Это, впрочем, никак не смутило Кумминга — в новой итерации своей поэтической группировки он объединился с более традиционными представителями «Литературного особняка» и «Звена»: Вениамином Зильбером, Яковом Полонским, Надеждой Вольпин, Матвеем Ройзманом, Варварой Бутягиной, Наталией Кугушевой²⁰, Вячеславом Ковалевским²¹, Захаром Хацревиным²² — с ним Кумминг познакомился как раз в «Обсобняке»²³. Некоторое время с «Зеленой

П.Н. Сакулин, <М.О.> Гершензон, из поэтов — Вячеслав Иванов. Замечалось отсутствие Валерия Брюсова, но это объясняют болезнью. Уже не дипломатическая ли она? Юбиляр выступил с речью, которую, как и полагается К.Д. Бальмонту, закончил стихами. Впрочем, в прозаической части он сообщил кое-что любопытное из своего прошлого» (*Волжанин О.* Московские письма // Вестник литературы. (Петроград). 1920. № 4–5 (16–17). С. 13). См. также: «На юбилей К.Д. Бальмонта» // Вестник литературы. 1920. № 6 (18) С. 12.

¹⁹ См. в другом отчете о вечере:

29 марта праздновалось 30-летие выхода в Ярославле в 1890 году первой книги стихов К.Д. Бальмонта. Приветствовать поэта в зал «Литературного Особняка» собралась почти вся литературная Москва. Председатель собрания проф. П.Н. Сакулин приветствовал К.Д. от имени Общества Любителей Российской Словесности и всего мыслящего русского общества. Член правления «Литературного Особняка» В.А. Бутягина прочла доклад, посвященный Бальмонту — поэту солнца и влюбленности. <...> Львов-Рогачевский прочел приветствие от Книгоиздательства писателей; Н. Захаров-Мэнский — от Союза поэтов; М. Ройзман — от Дворца Искусств; <...> В. Шершеневич и А. Кусиков — от К<нигоиздательств>ва «Чихи-Пихи» и имажинистов; поэт Т. Левит — от экспрессионистов; председатель «Литературного Особняка» Олег Леонидов передал Бальмонту об избрании его почетным председателем «Особняка» и прочел письмо и стихи, присланные одним из старейших русских поэтов В.А. Гиляровским. (Чествование К.Д. Бальмонта (От московского корреспондента «Ж. Искусства») // Жизнь искусства. 1920. № 424. 16 апреля. С. 1).

²⁰ Как писал А. Соболев о Наталии Петровне Кугушевой (1899–1964), в самом «начале 1920-х годов готовились к печати два сборника ее стихов, причем один из них — “Некрашенные весла” — даже печатно анонсировался в изданиях литературной группы “Зеленая мастерская”. В частности — на спинке обложки книги: *Полонский Я.* Вино волос. Пг., 1921» [5, с. 261].

²¹ Вячеслав Александрович Ковалевский (1897–1977) — «поэт, впоследствии видный советский прозаик, соратник Кугушевой по эфемерному литературному движению презентистов» [5, с. 267].

²² Захар Львович Хацревин (1903–1941) — «прозаик и журналист, входивший вместе с Кугушевой в объединение “Зеленая мастерская”. В 1921 году анонсировались его стихотворные сборники “Дней снег” и “Горячая карусель” (совместно с Я. Полонским), но ни один из них в свет не вышел» [5, с. 297].

²³ См. в литературной хронике: «В прошлый понедельник <6 октября 1919 г.> состоялось заседание “Литературного особняка”. С рядом своих стихов выступили К. Лукьянова, <З.> Хацревин, <Н.> Захаров-Мэнский и <Л.> Гольд (переводы из Мюссе)» (Литературная неделя // Вестник театра. 1919. № 37. 14–19 октября. С. 15).

мастерской» также ассоциировались «ничевоки» Рюрик Рок и Олег Эрберг и «парнасонец» Василий Фёдоров²⁴.

Портрет Кумминга этого времени был запечатлен Вениамином Кавериним, который тогда был Зильбером и работал в библиотечном коллекторе Московского военного округа, в его мемуарном романе «Освещенные окна» — именно благодаря этой дружбе Кумминг остался в памяти читателей неотъемлемой частью бурлящей литературной жизни Москвы начала 1920-х гг.:

Некому было почитать мои стихи, вот что меня тяготило! Но прошел месяц, другой, и слушатель нашелся. Не только слушатель, но советник и друг.

Не помню, где я встретился с Женей Куммингом, приземистым, некрасивым, коротконогим юношей, еще недавно принадлежавшим к кругу богатой московской молодежи. <...>.

Квартира Кумминга (он жил один, родители уехали за границу) была битком набита дорогими вещами, мебелью из мореного дуба, картинами в золоченых рамах, хрустальными вазами в серебре, старым оружием на старых коврах. И все это угрюмо стыло в нетопленных комнатах, как бы настаивая на своем непреходящем значении.

Женя был, что называется, светлая голова. Буржуазное происхождение не мешало ему служить в угрозыске, где он получал хороший паек. Его ценили за оригинальные мысли: и действительно, в борьбу против мешочников он внес много нового, предложив более совершенную систему облавы. Устаревший воровской словарь Трахтенберга он дополнил множеством новых слов и выражений. Начальник угрозыска советовался с ним чуть ли не ежедневно. В операциях он почти не участвовал.

Не знаю, что заставило Женю привязаться ко мне. У него было много друзей среди молодых московских поэтов, и вскоре он познакомил меня с Надей Вольпиной <sic!>, а потом — это было событием — с Павлом Антокольским. Возможно, что ему понравилось упорство, с которым я писал свои экзерсисы. Но еще вероятнее, что в глубине души он считал себя мастером, мэтром, а у мэтра, естественно, должен же быть хоть один ученик! И надо сказать, что едва

²⁴ Так же, как и большинство других московских поэтов этих лет, Василий Павлович Фёдоров (1883–1942) был членом «Литературного особняка». См. объявление о его сольном вечере, не учтенном в хронике [6]: «**Литературный особняк. Очередное** собрание кружка поэтов и критиков сост<оится> 12 июля, в 8 час<ов> веч<ера> в Доме печати (Никитский бул<ьвар>, д. 8). В програм<ме> поэзия В.П. Федорова (доклад О. Леонидова, чтение стихов автором и прения). Вход по рекомендации членов» (Известия. 1920. № 150 (997). 10 июля. С. 2).

ли он встретил бы ученика более послушного и старательного, чем я. С неподдельной искренностью я восхищался каждой его строкой.

— Тебе надо познакомиться с общей картиной нашей поэзии, — сказал он однажды и притащил десятка два поэтических сборников.

Незнакомые имена Грузинова, Шершеневича, Ивнева, Боброва, Рюрика Рока замелькали перед моими глазами. Я знал, что поэт непременно должен принадлежать к какому-нибудь направлению: Блок и Брюсов были символистами, Маяковский — футуристом. Но оказалось, что кроме футуристов и символистов были еще имажинисты, центрифугисты, неоромантики, парнасцы, ничевоки, экспрессионисты. Были даже и просто «эклектики», как бы предупреждавшие читателей, что они отнюдь не намерены сказать в поэзии новое слово. <...>

Стихи, которые мы, пугая прохожих, громко читали на бульварах Москвы, а когда не терпелось — шептали друг другу на ухо, сидя на подоконниках Дворца искусств, сохранились в рукописях, быть может, лишь у тех немногих счастливых, которые впоследствии стали известными поэтами. Мы не были центрифугистами или люминистами и не надеялись, что нашими произведениями заинтересуются такие солидные издательства, как «Хобо» или «Чихи-Пихи». <...> Мы не печатались, но иногда удавалось литографированным способом выпустить тоненькую тетрадку, как это сделал Женя Кумминг.

Одна из его «театральных поэм» называлась «Смерть Варлена», — Женя хотел показать, что он не остался в стороне от революционной действительности.

Луи Варлен, видный деятель Парижской коммуны, был заочно приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать, но Женя, не считаясь с историей, привел приговор в исполнение.

Монолог, в котором Варлен рассказывает о защите последней баррикады, не лишен поэтического движения.

Горячий май змеился. Каждый волос —
В расправленном дыму. На баррикадах
Жакен, Валлес, Тринкэ. Последней мезью
Вздуваются сухие вены. Горечь
Дымит во рту. Там взвод федералистов
Бросается в атаку...
Париж — костер. Заря едва плетется
Сквозь заросли порохового дыма...

Я писал хуже, чем Кумминг, но в другом ключе, быть может, догадываясь, что подражать Антокольскому хотя и соблазнительно, но просто [3, с. 268–269, 300–301]²⁵.

29 апреля 1920 г. участники «Зеленой мастерской» читали стихи на собрании кружка «Звено» в следующем составе: «Н. Кугушева, В. Бутягина, В. Зильбер <псевдоним “Вениамин Каверин”>, Я. Полонский, Е. Кумминг и Н. Вольпин» [6, с. 547]. 16 июля поэты «Зеленой мастерской» — «Н. Вольпин, В. Ковалевский, Е. Кумминг и З. Хацревин» [6, с. 595] — читали стихи в заключение «Первого вечера презантистов» в клубе Союза поэтов²⁶. Этим новым направлением увлеклась Наталия Кугушева, поэтому она выступила в основной части вместе с «презантистами»-теоретиками Давидом Виленским и Диром Туманным (Николаем Пановым), который провозгласил суть этого направления как: «От слякоти лирических эмоций, через развалины жонглерства и зауми – к твердым конструкциям фабульной поэзии» [6, с. 595], — что бы это ни означало.

Впрочем, замечал А. Соболев о Кугушевой, «несмотря на готовность участвовать в группах с эксцентрическими декларациями (она выступает на вечере “презантистов” 16 июля 1920 года и практически заносит перо, чтобы подписаться под хартией экспрессионистов, — но ревнивый родоначальник движения Ипполит Соколов вдруг решает, что лучше ему остаться единственным), наиболее органично она смотрится среди эстетически не экстравагантных поэтов – в “Литературном особняке”, где она значится со дня основания» [5, с. 246]²⁷.

Как раз на собрании «Литературного особняка» в Доме печати 2 августа 1920 г. после доклада Николая Вильмонта на тему «О мещанском романтизме» Кумминг читал стихи вместе с Диром Туманным,

²⁵ Его мемуарный рассказ о «драматическом опыте» Кумминга «Петрушка-пилигрим» см. в Приложении 2. См. также итоговое резюме их отношений с точки зрения Каверина: «Между мной и Женей Куммингом была сильная по своей направленности, но недолгая дружба. Он был человеком, постоянно требовавшим что-нибудь от других и добивавшимся исполнения своих требований. Я от него ничего не требовал, и, может быть, именно поэтому он не то что полюбил меня, но привязался — и искренне привязался» [3, с. 562].

²⁶ См. анонс: «Дворец Искусств. Пятница, 16 июля. Первый вечер презантистов: доклад Д. Виленского, поэты: Виленский, Кугушева и Туманный» (Известия. 1920. № 51 (998). 11 июля. С. 4).

²⁷ Ему же принадлежит точное наблюдение, что в «Освещенных окнах» В. Каверин вспоминает именно Кугушеву: «Была грустная горбатая девушка с необыкновенно большими глазами, о которой говорили, что она — бывшая княжна — истинная поэтесса» [5, с. 245].

Наталией Бенар и Фейгой Коган [6, с. 604]²⁸. Далее следовала целая череда интенсивных выступлений в Клубе Союза поэтов, которые перечисляет А. Крусанов в своем историческом обзоре «Русский авангард 1907–1932»: 14 августа — вместе с Михаилом Козыревым и другими;²⁹ 20 августа — возможно, на вечере «Разговор поэтов»;³⁰ 22 августа — с Вениамином Зильбером (Кавериным);³¹ 28 августа — в группе с Наталией Поплавской, Яковом Полонским, Матвеем Ройзманом, Аделиной Адалис;³² видимо, на вечерах поэтов 6, 9 или 10 октября;³³ наконец, 20 октября имеет место «чтение Адалис “Поэмы о странствиях” со вступительным словом Е. Кумминга» [4, с. 344]³⁴. К этому можно добавить его выступление на «вечере поэзии (16 августа 1920) с участием П. Антокольского и Арго» во Дворце искусств [4, с. 348]³⁵.

20 сентября Кумминг принял участие в вечере «О современной поэзии» в Политехническом музее, организованном Союзом поэтов. Как писал московский журнал «Художественное слово» (в том же номере напечатана кумминговская комедия «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки»), «в помещении Политехнического музея и Консерватории Союзом были организованы: доклад В.Я. Брюсова о современной литературе и о революционной поэзии, вечер современной поэзии (декларации различных школ и чтение

²⁸ См. анонс этого вечера: «Литературный особняк. Очередное собрание кружка поэтов и критиков 2 августа, в 8 часов вечера», в Доме Печати (Никитский бульвар, 8). В программе: Доклад Н. Вильмонта “О мещанском романтизме”. Чтение стихов. Вход по рекомендации членов» (Известия. 1920. № 165 (1012). 29 июля. С. 2; № 168 (1015). 1 августа. С. 2).

²⁹ См. анонс: «Клуб поэтов. <...> 14 августа — Поэты: Михаил Козырев, Е. Кумминг и др.» (Известия. 1920. № 175 (1022). 10 августа. С. 2).

³⁰ См. объявление: «Клуб поэтов. <...> 20 августа — “Разговор поэтов”» (Известия. 1920. № 181 (1028). 17 августа. С. 4).

³¹ См. анонс: «Клуб поэтов. <...> 21 августа — Поэты: Зильбер, Кумминг» (Известия. 1920. № 181 (1028). 17 августа. С. 4).

³² См. объявление: «Клуб поэтов. <...> 26 августа — Вечер импровизации, <...> 28 — Поэты: Поплавская, Полонский, Кумминг, Ройзман, Адалис, 29 — Поэты: Ильина, Решетов, Кугушева, Кларк, Волчанецкая, Грузинов» (Известия. 1920. № 186 (1033). 24 августа. С. 2).

³³ См. анонс: «В клубе поэтов. <...> 6-го октября — выступления поэтов, <...> 9-го и 10-го октября — выступления поэтов» (Известия. 1920. № 221 (1068). 5 октября. С. 4).

³⁴ См. объявление: «Клуб поэтов. <...> 20 октября — Адалис “Поэма о странствиях”, вступительное слово Е. Кумминг; 21 и 22 — выступления поэтов» (Известия. 1920. № 233 (1080). 19 октября. С. 4). Кумминг мог также выступить на этих поэтических чтениях 21 или 22 октября.

³⁵ См. анонс: «Дворец искусств (Поварская, 52). 16 августа. Вечер поэзии. Вступительное слово. Поэты: Антокольский, Арго, Кумминг. Начало в 9 часов вечера» (Известия. 1920. № 180 (1027). 15 августа. С. 2).

стихов), № 1 устного журнала Союза, литературный суд над имажинистами, литературный суд над современной поэзией, вечер, посвященный памяти Л.Н. Толстого...»³⁶.

Вот на этом форуме, где были объявлены «декларации различных школ» и прошло «чтение стихов», Кумминг выступил в разряде «неоакмеистов» — с ним таковыми были заявлены Аделина Адалис и Павел Антокольский³⁷. Другие выступавшие: «С. Буданцев, В. Маяковский, Б. Пастернак и Д. Тархов (“футуристы”), И. Грузинов, С. Есенин, А. Кусиков и В. Шершеневич (“имажинисты”), И. Соколов (“экспрессионист”). Объявлялось участие “декларациями и стихами” также В. Брюсова и А. Белого (“символисты”), С. Боброва (“центрифугист”), <...> Б. Земенкова (“экспрессионист”)...» [6, с. 623].

Точно так же Кумминг — причем не в поэтическом амплуа — принял участие в вечере «№ 1 устного журнала» Союза поэтов в Большом зале Московской консерватории, который состоялся 25 октября 1920 г. Отчет о вечере «Первый номер Устного журнала» в газете «Известия» давал хорошее представление о развернутой географии столичной литературы — от поэзии и прозы до драматургии и критической эссеистики:

Союз поэтов приступил к широкому обнародованию творчества поэтов и «издал» № 1 Устного журнала. Он был опубликован в понедельник 25 октября, в Б<ольшом> Зале Консерватории.

Вступительную статью «От редакции» прочел Валерий Брюсов, отметивший путь журнала, как органа поэтов, «вливающих новое вино в новые мехи». В журнал вошли поэтические течения, отражающие современную жизнь и ищущие новых путей. Их ошибки часто, как опыт, — ценнее совершенных образцов поэтов, повторяющих уже сказанное и охраняющих традиции.

Первый отдел журнала — стихи. Читали поэты <С.> Буданцев, <А.> Адалис, <В.> Брюсов, <В.> Шершеневич, <М.> Цветаева, <А.> Мариенгоф, <И.> Грузинов.

³⁶ Художественное слово. 1920. № 2. С. 72.

³⁷ См.: «В начале <19>20-х годов объявляли себя акмеистами и “неоакмеистами” некоторые московские поэты — О. Эрберг в сборнике *СОПО* (1921), Антокольский, Адалис, Е. Кумминг. Ср. также сборник Н. Минаева *Прохлада*, 1926 (“Душа укрылась, как щитом, / Акмеистической прохладой”)» [9, р. 319]. См. также неожиданное ретроспективное замечание В. Набокова, собственно, мало что понимавшего в литературных движениях эпохи, да и к тому же переданное через ничего не знавшую жену, когда Вера Слоним-Набокова написала Роману Гринбергу 19 января 1953 г.: «Относительно Кумминга, кот<орого> помнит по “Рулю”, почти ничего не знает <...>. В литературном же смысле говорит, что К<умминг> неудачный подражатель тех “акмеистов”, что помельче» [2, с. 380].

Во второй отдел (прозы) вошли — драма Е. Кумминга «Театр мировых панорам», прочитанная актером <А.> Олениным, и рассказ Буданцева, фабула которого взята из крестьянских восстаний на Поволжье в наши дни³⁸.

В третьем отделе статью о французском поэте Ж<аке> Рибо прочел поэт <И.> Аксенов. Две рецензии о первом и втором сборниках <имажинистов> «Конница бурь»³⁹ прочел поэт Буданцев⁴⁰.

Наступил новый год, и после необходимого хиатуса «Зеленая мастерская» собралась уже в третьей своей производной, теперь относительно независимой от прочих литературных институций. Первый вечер группы состоялся 14 марта 1921 г. «на собрании “Литературного особняка”» [7, с. 44] в московском Доме печати⁴¹,

³⁸ В эти годы Сергей Буданцев (1896–1940) — влиятельный человек в литературных кругах, выступающих как модератор между «традиционными» и «пролетарскими» писателями. Показательна в этом смысле его роль как председателя на упоминавшемся выше вечере «О современной поэзии», который состоялся в Политехническом музее 20 сентября 1920 г. и был отмечен тотальной неяской «пролетарских поэтов». Два дня спустя газета «Правда» опубликовала «Письмо в редакцию» Секции пролетарских писателей ЛИТО Наркомпроса:

Секция пролетарских писателей просит поместить следующее:

Обсудив предложение Всероссийского Союза поэтов о выступлении представителей секции на вечере современной поэзии в Политехническом музее 20-го сент<ября> с. г., секция приняла постановление о недопустимости для ее представителей выступать под маркой буржуазного Союза поэтов, о чем заблаговременно были извещены организаторы вечера.

Секция пролетарских писателей выражает свое крайнее удивление по поводу того, что председательствующий на вечере гр<ажданин> Буданцев, обойдя настоящую причину невыступления наших товарищей, сослался **на позднее время**.

Председатель **М. Герасимов**.

Секретарь **В. Александровский**.

(Правда. 1920. № 256. 22 сентября. С. 2).

³⁹ Как отметил А. Крусанов, «обе рецензии С. Буданцева опубликованы в журнале “Художественное слово” (1920. № 2)» [4, с. 721].

⁴⁰ Известия. 1920. № 242 (1089). 29 октября. С. 2. Чтение № 2 устного журнала состоялось 2 декабря 1920 г., но Кумминга среди его участников не было. Как сообщала газетная хроника, «2-го декабря в Политехническом музее Всероссийский Союз поэтов устраивает чтение второго номера устного журнала **“Московский разговор”** под редакцией Валерия Брюсова, при участии авторов: Адалис, Брюсова, Рюрика Ивнева и В. Шершеневича (стихи), <И.> Аксёнова и <С.> Буданцева (проза). Нач<ало> в 7 ч<асов> веч<ера>» (Известия. 1920. № 270 (1117). 1 декабря. С. 4).

⁴¹ См. сообщение в петроградской «Жизни искусства»:

На днях в Москве состоялось открытие «Дома печати». Это новое оригинальное по замыслу учреждение будет обслуживать нужды преимущественно партийной и советской журналистики и собирать материалы по истории социалистической печати в России. На открытии говорил нарком Луначарский, который отметил роль Ленина и Троцкого в развитии партийной печати за границей. В. Керженцев разъяснил задачи и программу деятельности «Дома печати». Д. Рязанов сообщил

о чем было объявлено в московских газетах⁴². Кроме Кумминга на этом вечере читали свои стихотворения Надежда Вольпин, Рюрик Рок, Матвей Ройзман, Захар Хащевин и Олег Эрберг⁴³. Петроградская «Жизнь искусства» сообщала: «В Москве образовалось новое литературное общество “Зеленая мастерская”. Во главе его стоят молодые московские поэты Н. Кугушева, Я. Полонский, В. Ковалевский и др. Обществом намечена большая издательская работа и уже вышел из печати сборник стихов Я. Полонского⁴⁴ “К<л>убок осени”»⁴⁵.

сведения из истории «Искры» и установил факты исторического влияния подпольной нелегальной печати дореволюционного периода на осведомление оппозиционной легальной.

(Дом печати // Жизнь искусства. (Петроград). 1920. № 400. 17 марта. С. 1).

⁴² Например: «Лит<ературный> Особняк. 14-го марта, в 8 ч<асов> в<ечера>, в “Доме Печати” (Никитск<ий> б<ульвар>, 8, 3-й эт<аж>): 1-й веч<ер> “Зеленой Мастерской”. Вход по рекомендациям членов “Л<итературного> О<собняка>”» (Известия. 1921. № 54 (1196). 11 марта. С. 4).

⁴³ См. программу вечера: «Литературный особняк. 105-е исп<олнительное> собрание, 14 марта, в 8 ч<асов> веч<ера>, в “Доме Печати” (Никитский б<ульвар>, 8, 3 эт<аж>). В программе 1-й вечер “Зеленой мастерской” (Вступительное слово — Я. Полонский. Чтение стихов — Н. Вольпин, Р. Рок, Е. Кумминг, М. Ройзман, З. Хащевин, О. Эрберг. Прения). Вход по рекомендациям членов “Л<итературного> О<собняка>”» (Правда. 1921. № 55. 12 марта. С. 4).

⁴⁴ Под грифом «Зеленой мастерской» вышли обе книги Якова Борисовича Полонского (1892–1957): «Клубок осени: Стихи» (Пг., 1921) и «Вино волос» (Пг., 1921).

⁴⁵ Москва (Хроника литературной жизни) // Жизнь искусства. 1921. № 694–695–696, 16–18 марта. С. 1. Сборник Полонского «Клубок осени» был отпечатан на стеклографе. См. специальную корреспонденцию из Москвы об альтернативных способах печати: «Недостаток бумаги заставляет поэтов и писателей прибегать к кустарным изданиям. Недавно поэт А. Кушков издал в 100 экземплярах (по 100 р. штука) рукописную книгу стихов “Стихи № 1”. Теперь поэты “Литературного Особняка” решили издавать свои двухнедельные альманахи кустарным способом в 4-х экземплярах, один из которых будет пересылаться в Литературный отдел Наркомпроса, три будут поступать для отзыва и в библиотеку кружка. Каждый член кружка обязан принести любое количество своих стихотворений, отпечатанных по определенному образцу в 4-х экземплярах на пишущей машинке. Из этих экземпляров и будут составляться сборники. Обложка — печатная» (Жизнь искусства. 1920. № 401–402. С. 3). Как и позже машинописный журнал «Гермес», выпускавшийся одноименным кружком, альманах «Литературного особняка» набивался на пишущей машинке «ЮСТ». Тот же корреспондент сообщил о положении дел в московской книготорговле: «В Москве в данное время, кроме “Лавки писателей”, функционируют еще 4 литературных лавки. “Лавка поэтов” В. Шершеневича и А. Кусикова; “Деятели Искусства” — Когана, Шихмана, Балтрушайтиса и других; лавка Дворца Искусств, в которой работают поэты: М. Ройзман, Д. Туманный и писатель Лаврский, и лавка имажинистов — Есенина, Мариенгофа и других. Все эти лавки очень бойко торгуют книгами по литературе и искусству. Цены везде очень высокие. Часто встречаются очень редкие экземпляры книг, давно исчезнувших с книжного рынка» (Жизнь искусства. 1920. № 401–402. С. 3). Весной 1923 г. «Литературная хроника» газеты «Накануне» сообщала: «“Литературный Особняк” печатает второй альманах стихов своих членов. В Альманахе участвуют Арго, Адуев, Шенгели, Левантин, Федоров,

О «результативной», по слову А. Соболева, «Зеленой мастерской» иронически написал в своей таксономии московских поэтов петроградец Владимир Пяст:

КУНСТКАМЕРА отличается от Зоологического сада тем, что животные в ней хотя совсем такие же, но мертвые. Расставлены по группам, в обстановке, дающей полную иллюзию их домашнего обихода. Расположены в научном порядке, выбранном в образовательных видах. При посещении кунсткамеры изучается прежде всего явление, общее самым разнородным классам животного мира: *мимикрия* — подражание окраской и манерами другим, более сильным животным либо окружающей среде.

Разбитые на семейства и группы имажинистов, центрофугистов, экспрессионистов, ничевоков, фуистов и другие, московские «поэты», члены бессмертного в своем роде «Сою» (Союза поэтов. — *A.V.*), прежде всего бросаются в глаза со стороны явной своей мимикрии. Если есть такой поэт (певец непотребства), *Рюрик* Ивнев, — то секретарем его в бывшем президиуме «Союза Поэтов» обязательно должен быть *Рюрик* же «Рок». Это «Ничевок». Два слова о последнем направлении. Представители его, вполне сознательно, *bona fide*, задались целью ускорить неминуемый, по их мнению, процесс сведения в «ничего», уничтожения поэзии. Подобно тому как, например, по роману Амфитеатрова, Витте и его помощники, твердо верившие в неизбежность российской революции, находясь на государственной службе, прилагали старания к облегчению перехода России на будущие революционные рельсы тем, что подтачивали исподволь финансовые и иные столбы, на которых *ancien régime* держался, — так и Рюрик Рок со сподвижники старался (и старается, если уже не «сменил» направления) по мере сил писать поуродливее, попротивнее, так чтобы заранее отбить охоту к произведениям поэтического слова и переход к полному уничтожению поэзии прошел безболезненно... Это не наше умозаключение о них, — в этом именно их собственная идеология.

Был маститый, всем памятный поэт, живший до 78 и более лет, Яков Полонский. Есть в Петербурге Ел<изавета> Полонская. Конечно, в Москве обязательно быть тоже Полонскому. И именно Якову. Новый Яков Полонский выпускает уже вторую книжку стихов, совершенно таких, какие давно полагаются в Москве: чтобы несколько не отличались от стихов ни экспрессиониста Соколова, ни

центро-фугиста Боброва, ни футуриста Третьякова, ни «акмеиста» Эрберга.

Эрберг в Москве *акмеист*. Конечно, это не наш поэт-философ К.А. Эрберг, а свой, московский. Вообще, и акмеисты в Москве имеются, к ним принадлежит и известнейшая из тамошних поэтесс Адалис.

Представителями *«парнасизма»* в современной русской поэзии считались И.А. Бунин и А.М. Федоров. Закон мимикрии потребовал, чтобы и молодой московский поэт Федоров, Вас<илий> Пав<лович>, тоже объявил себя парнасцем. Объявил здорово-живешь, потому что и его стихи, правда, местами талантливые, написаны с точным соблюдением московского кодекса рабской подражательности футу-ро-имажинистической среде. Никакой он не «парнасец».

О «мимикрии» довольно. <...> упомянутый Вас. Пав. Федоров, до сей поры, кажется, не напечатал ни одной оригинальной строчки, помещал только свои переводы, а, как мы уже говорили, у него есть хорошие стихи, и из слышанных в кафе нам очень понравились странички из дневников Эдварды (живущей самостоятельной жизнью бывшей героини Гамсуна).

Вас. Федоров такую и читал лекцию: «Кафейный период русской поэзии» (не «кофейный»). Самое характерное для нынешних поэтов, несомненно, выбор «кафе» для проявления и манера держать себя в нем. Одни выступают в «Кафе Домино», другие — в «Стоиле Пега-са», третьи в «Литературном особняке». В зависимости от «группы», завладевающей кафе для своих «выступлений», физиономия этого кафе меняется. «Не место красит человека, а человек красит место». Буквально так. В 1918 году группа футуристов раскрасила потолок «Домино» надписью эпатажной, но еще печатной:

«Станем помнить солнце-Стеньку,
Мы от кости Стеньки кость,
А пока горяч кистень, куй,
Чтоб звенела молодость».

Но года через полтора завладели «Домино» «имажинисты». Эти последние изобразили на потолке нечто уже совсем неприличное, наклеивав на солovieв, будто те подвержены человеческим порокам. Но вот весной <19>21 года кончилось правление имажинистов, во главе «Сопо» встали «центрофугисты». Это парни по внешности приличные. Закрасили все безобразные надписи, украсили потолок лишь не менее безобразными пятнами. При новом «президиуме»

в кафе — ни-ни! — никаких скандалов, повысить голос не дают посетителю, — сейчас выведут...

Да, человек красит место!⁴⁶

Одну из знаменательных встреч группы вспоминала Н. Вольпин: «Ранней весной 1920 года у нас в “Зеленой мастерской” на квартире у Полонского живший отшельником Борис Пастернак прочитал еще не опубликованную “Сестру мою жизнь”. Кроме юных поэтов нашей группы Захара Хацревина, Полонского, Кугушевой, меня, Кумминга (Зильбера <Каверина> не было), пришли послушать Сергей Буданцев с женою (поэтессой Верой Ильиной) и Борис Пильняк (этот, правда, в самом начале чтения ушел)» [1, № 3, с. 150].

Довольно скоро, впрочем, Кумминг оставил московскую литературную жизнь и, получив эстонское гражданство, переехал в Ревель. Вот как вспоминал их расставание Вениамин Каверин:

Прощанье с Женей Куммингом было не то что неловким, но, кажется, менее сердечным, чем ему бы хотелось. У него только что вышла книжечка «Театр Мировых Панорам» (та самая, которая сохранилась в моем архиве)⁴⁷, и он подарил мне ее с преувеличенно-дружеской надписью, заставившей меня слегка растеряться: «Какими нежными эпитетами окружить твое имя?», и т. д.

— Мы расстаемся навсегда, — торжественно сказал он и, помолчав, прибавил с горечью: — Ты будешь писать прозу.

И прежде мне случалось видеть моего приятеля в угрюмо-высокопарно-торжественном настроении. Мог ли я ожидать, что его предсказание сбудется? Мы действительно больше не увиделись, а я действительно стал писать (и пишу до сих пор) прозу. В 1921 году он уехал за границу. По слухам, которым я верю, он стал миллионером [3, с. 371–372].

4 апреля Кумминг напечатал в ревельской русской газете «Последние известия» колоритное *exposé* «Литературная жизнь Москвы»:

Мне горестно и трудно писать о литературной жизни Москвы: горестно, потому что русская художественная мысль загнана в подполье, трудно, потому что здесь, на этих страницах, костер наци-

⁴⁶ Пяст В. Кунсткамера // Жизнь искусства. 1921. № 813. 18 октября. С. 3. Ср. статью Э. Миндлина в Приложении 3.

⁴⁷ См. примеч. 12.

онального вдохновения приходится складывать из отдельных, едва полыхающих угольков — угольков, не задутых еще аскетической строгостью «рабоче-крестьянской власти».

Начнем вспоминать о «звездах первой величины».

Валерий Брюсов, состоящий членом российской коммунистической партии, занимает в настоящее время должность заместителя Луначарского в литературном отделе Наркомпроса. <...>

За последние годы Брюсовым, кроме нескольких рассказов и незначительных статей, изобличающих в авторе «честного, но не слишком ортодоксального коммуниста», изданы две книги: «Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучьям, по строфике и формам» (книгоиздательство «Геликон» — 1918) и «Наука о стихе» («Альциона» — 1919).

Андрей Белый сильно бедствует, исхудал, осунулся. Читает во Дворце искусств популярные лекции ради заработка. Несколько книг по вопросам культуры и философии, которым Белый придает громадное значение, тщетно ждут своего часа. Советская власть, считая эти книги не приносящими прямой пользы рабоче-крестьянскому делу, разрешения на печатание не дает.

Вячеслав Иванов издал две книги: «Младенчество» — поэма и «Прометей» — трагедия. Осенью, не получив пропуска за-границу, выехал на Кавказ.

Об Александре Блоке ничего не слышно.

В октябре прошлого года приезжали в Москву <Н.> Гумилёв и М. Кузмин, выпустивший две новые книжки стихов.

Беллетристики в Москве, да и вообще в России, не существует. Писатели разъехались по медвежьим уголкам; печатать книги нельзя, писать агитброшюры не позволяет совесть, желудок настойчиво подчеркивает свои требования, — что делать? <...>

Я намеренно не останавливаюсь на специальных пролетарских организациях, журналах, литературных студиях; не хочу вспоминать и о «Доме печати», «Дворце искусств», «Пролеткульте».

Бог с ними — с мертворожденными. Русская литература, загравленная, глушимая рабоче-крестьянским правительством, загнанная в подполье, живет без них. Она живет и дышит, пусть слабо теперь, как чахоточный, но она твердо знает: Россия еще воскреснет⁴⁸.

Из Ревеля путь Кумминга лежал в Германию, где по прибытии он начал активно участвовать в жизни «Русского Берлина».

⁴⁸ Последние известия. (Ревель). 1921. № 75. 4 апреля. С. 4. Ср.: [9, p. 323].

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Евгений Кумминг

Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки

Драматическая трилогия

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Наваждение Мартына Кривого

Действующие лица:

Петрушка деревянный и Петрушка живой.

Знатный господин.

Мартын Кривой — столяр.

Маринка — молоденькая прислужница кабачка «Черноморское гирло».

Матрос в бело-синем костюме.

Матрос в бело-голубом костюме.

Матросы вообще, посетители кабачка, малостоящие женщины.

Место действия: любой приморский городок Черноморья.

(Негостеприимная клетушка-мастерская Мартына Кривого.

По стенам развешены орудия столярного производства.

На полу белеют стружки и опилки.)

Мартын Кривой. Каждый горожанин моего околотка знает, что я безобидного нрава во-первых, сын своего отца во-вторых, и, в третьих, совершенно непьющий столяр. Конечно, Мартын Кривой имеет и свои недостатки. Самые важные мои недостатки, можно сказать, государственные, вот какие: у меня есть косоглазая старуха и нет наследника. Правда, наследовать нечего, но всё-таки приятно иметь какого-нибудь десятилетнего белокурого мерзавца. Вчера я закончил такого мерзавца из настоящего Ливанского кедра. Волоса его — мочало; сердце — тугая пружинка; лицо — соборная роспись; прозвище — Петрушка.

(Закуривает носогрейку. Достает из пузатого шкафчика деревянного Петрушку.

Зажимает между коленями. Любовно созерцает своего уродца. Стучат. Мартын прячет Петрушку в соседнюю комнату.)

Голос за дверью.

Добрый день, джентльмены дорогие.
 Ветер со возморья весел и колюч.
 Добрый день, джентльмены дорогие.
 Кто бородатый повернет мне ключ?

(Поет.)

Голубые латы.
 Прибойное серебро.
 В сердце нет заплаты —
 Да в шляпе торчит перо.

(Столяр Мартын распахивает скрипучую дверь. Входит знатный господин.
 Блестящий цилиндр, корректный фрак, лайковые перчатки, рассыпающаяся
 роза — всё из мeste.)

Мартын Кривой. Заграничные речи ведете, ваша милость. Понимаем туговато. Может быть заказец предложите бедному Мартыну?

Знатный господин. Заказец — не заказец. Мне нужна серьезная дружеская услуга. Я приехал сюда из ужасного далека. Моя родина за облаками.

Мартын Кривой. Живете в горах? Горный воздух полезен и приятен. Швейцарец? Француз?

Знатный господин. Француз? — нет чорт.

Мартын Кривой. Как?

Знатный господин. Чорт. Но ближе к делу. От вас ожидается ценная услуга. Вот вам куча бумажных денег. Сбегайте за угол и купите мне папирос. Я люблю папиросы: «Баязет», «Кривой Рог», «Дукат».

(Мартын Кривой смущенно переминается с ноги на ногу, затем решительно напяливает пиджак, подвигает знатному господину табуретку и коршуном бросается исполнить поручение.)

Знатный господин.

Солнце шумит в горах.
 Вырастает по бранным долинам
 Громкий горбатый страх.
 Чешет буря копытом ослиным
 Травы седых Пальмир

Да шиповник, прилипший к оградкам.
Зноен зеленый мир.
Ледяным и весенним парадом
Сердце проскачет круг,
Разукрашенный в звездные свечи.
Встань, мой веселый друг,
Деревянный, восстань, человече!

(Входит живой Петрушка—точный слепок деревянного.)

Петрушка (почти автоматически).

Встань, мой веселый друг,
Деревянный, восстань, человече.

Знатный господин. Замечательно! Сейчас мы двинемся с тобой в кабачок «Черноморское гирло». По дороге я объясню тебе, что я за птица, почему пролетают хвостатые кометы и для кого судьба, танцовавшая до сих пор на тугом канате под пасторальным облаком и над бушующим водопадом, стала сухой англичанкой. На пороге этой богадельни я сделаю тебя хорошеньким, как сицилианский мальчик, всезнающим, как чорт, веселым, как девичья болтовня.

(Возвращается Мартын.)

Мартын Кривой. Ни одной папиросы! Лавчонки не верят старому Мартыну. Откуда у Мартына такое множество денег? Должно быть Мартын сам их наколдовывает.

Знатный господин. Все деньги и все некупленные папиросы оставляются вам па память. Прощайте, любезный столяр. Петрушка. Прощайте, папаша Мартын.

(Мартын, только теперь приметивший Петрушку,
садится от страшного изумления на пол. Глаза его вытарашены.
Руки машинально тянутся за носогрейку.)

Мартын Кривой. Святые угодники! Разве я не самый непьющий столяр в околотке? За что это, наваждение бесноватое, за что? Петрушка! Петрушечка! Не покидай меня!

(Пауза.)

Да нет-же. Рассуждать здраво — наваждение, больше ничего.

(Знатный господин и Петрушка, не спеша, покидают мастерскую. Маргын тоскливо и недоумевающе рассматривает потолок, закуривает носогрейку. Мастерская заволакивается непроходимым дымом. А когда дым начинает разволакиваться, действие переносится в кабачок «Черноморское гирло». В кабачке шумно. Хмельные матросы целуют своих милых.)

Матрос в бело-синем костюме.

Как турчаночки бровь горяча.
 Поцелуй за стаканом высок.
 Нежен розовый остров плеча,
 Самый выжженный снежен песок.
 Высока-ли невинная бровь,
 Поцелуй-ли рублевый горяч —
 Загуляет бродяжная кровь,
 Только губы протяжные прячь.
 Матрос в бело-голубом костюме.
 Случается: танцует непогода,
 Шумящий шторм штурмует небеса —
 Но малое всепомнящее сердце
 Поет всю ночь туземную любовь.
 Забавные и солнечные страны
 Встают вдали.

(Число гуляющих матросов увеличивается знатным господином и преображенным Петрушкой.)

Знатный господин.

Почтенье, господа,
 Нижайшее дурацкое почтенье.

Матрос в бело-синем.

Ты кто такой и кто твоя луна,
 Неопытный лунообразный спутник?
 Дай лапу мне. Мы выпьем за луну.

Знатный господин (торжественно).

Мальтийствуя по самым дальним странам,
 Наш друг нашел Мальтийскую Звезду.

Все. Что такое? Мальтийская звезда? Где их выдают? За какие отличия? Почему я ничего не знаю?

(Знатный господин срывает с Петрушки дорожный плащ.

Под плащом на шелковой косоворотке сияет Мальтийский крест. Петрушка ничего не замечает. Зрачки его расширены и как будто бы вдыхают смуглую девчонку — молоденькую прислужницу Маринку.)

Знатный господин (не громко). Петрушка не слишком глуп. Я очень доволен, что Петрушка сразу-же увлекается смуглыми Маринками. Впоследствии он будет увлекаться чорт знает чем, — какой-нибудь грандиозной чертовщиной.

(Кричит)

Господа матросы! Любовники путешествий и прокисшего вина! Кто хочет выслушать рассказ о подвигах, пока еще невыдуманных, молодого князя Петруччио, подвигах, которыми он заслужил себе орден кавалера Мальтийской звезды, — все любопытные, желающие приобщиться к риторическому искусству и получить за внимательное слушание бутылку чистейшего Токайского — да поплывут за мной в прохладную бухту близ санатория «Русская Галата».

Все. Бутылку чистейшего Токайского? Ладно. Только без надувательств.

(Матросы высыпают из кабачка.)

Знатный господин.

Любезничай до петухов рассветных.
Носи в руках приморскую весну,
Смущенную лукавую Маринку.
Шальная страсть, как вечность, хороша.
Скрываются последние матросы.
Пойду и я. А завтра поутру
Сторгуемся с усатым капитаном.
Ты поплывешь по странам, по морям,
Раскрашенным в цветные стекла солнца.
Куда? куда? Но к делу. Ночь хмельна.
Помучайся в такую ночь с Маринкой.
Вдыхай до дна гвоздичный омут губ,
Карминовых, страдальческих, бесплатных.

(Знатный господин покидает кабачок. Петрушка обнимает Маринку.)

З А Н А В Е С

ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Таитянские пейзажи

Действующие лица:

Петрушка — он же мистер Петрайч.

Вайрумати — дочь короля Помарэ V.

Мистер Вандербильд — скупщик жемчуга и копры.

Давид Гриф — плантатор-миллионер.

Капитан Шарль Бри — агент негра Лакаскада, управляющего островом Таити.

Туземцы обоего пола.

Место действия: Таити.

(Морской берег. Песчаная отмель. Справа — дюжина кокосовых пальм. Ветер с моря, прохладный и свирельный, заставляет их верхушки проделывать ритмические движения. Стекло первобытно-спокойного моря расколото танцующими пирогами, которыми управляют бронзовые юноши. В конце отмели, на песке и на воде, купающиеся туземцы. Нечасто набегают зелено-оранжевые волны. Под пальмой на спине, закинув голову, лежит Петрушка: Кожа Петрушки позолотела от легендарных путешествий и от полинезийского солнца. Вокруг бедер Петрушка носит синий парео — пояс.)

Петрушка (поет).

Небо райское дышит в утрах воскрыльями,

Дышит ветер, весенний, розоперстый.

Море пирогами злыми прорыли мы

Пусть вырастет вечер пестрый.

Вайраумати!

Загорайся в полуднях цветами синими,

Черным сном обернись, встречай Петрушку.

Мальчиком знал я о всем твоим имени,

Да плакал над нищей кружкой.

Вайраумати!

Без конца далеко, ни в Крыму, ни в Англии,
Золотые туземцы, солнце, дыни.
Ныне к устам Таитянских Евангелий
Бегу от своей гордыни.
Вайраумати!

(Сквозь пальмы просвечивают снежные костюмы трех белых. Петрушку окружают: Давид Гриф, мистер Вандербильд и Шарль Бри.)

Мистер Вандербильд. С прохладными мечтами, мистер Петрайч. Вам необходима добрая порция хины. Вы совершенно расклеены желтой, а может быть и любовной, лихорадкой. Ваши зрочки, привыкшие созерцать золотокожих вахинэ и танэ, по-нашему просто арапок с их болванчиками, приобрели печальное достоинство не узнавать своих белых друзей. Разрешите рекомендоваться: Вандербильд, мистер Вандербильд, первый скупщик жемчуга и копры во всем Помоту.

Шарль Бри. Меня привыкли называть капитаном Шарль Бри. Мое достоинство: преданнейший слуга его милости, управляющего островом Таити, господина Лакаскада, который, несмотря на свое негритянское происхождение, и так далее и так далее...

(Делает широкий жест.)

Давид Гриф. Давид Гриф серьезнейший плантатор от Бугенвиля до Помоту. Это официально. Неофициально – ваш лучший друг и поклонник.

(Присаживаются к Петрушке, закуривая короткие трубки.)

Петрушка. Благодарю за добрые слова и за добрую порцию хины, в которой я, откровенно говоря, не нуждаюсь. Какие у вас новости?

Мистер Вандербильд. Живете вы мистер Петрайч, в тростниковой хижине, питаетесь бананами и крабами, любезничаете с дочкою новопреставленного таитянского царька Помарэ Пятого позолоченной Вайраумати — а в результате — ничего не знаете. Знайте-же: в Папеегэ на рейде пыхтит правительственный крейсер. Лакаскад формирует милицейский батальон.

Петрушка. Подобные новости я знал еще до их рождения.

Капитан Шарль Бри. Мы готовы проглотить любое волнение. За нашей спиной — вся Франция!

Петрушка. Капитан Шарль Бри! Вы грандиозны. Я преклоняюсь перед вашей спиной. Смотрите: пальмы кивают вам робко и дружелюбно. Что Франция? За вашей спиной весь Тихий океан!

(В цветнике купающихся вырастает Вайраумати. Она купалась в пронизанном солнцем песке, и теперь слегка танцующей походкой направляется к Петрушке. Тело Вайраумати разукрашено розовой шелковой рубашкой. За ухом у нее пучок белых гвоздик, в пальцах большие, похожие на подсолнухи, цветы.)

Мистер Вандербильд. Приближается Вайраумати. Не буду мешать вашим научным работам. В Папееэ предполагают, что вы собираетесь написать книгу: «Новые открытия в области Маорийской мифологии». Кстати, сегодня у нас маленький лаунтенисный праздник. Буду рад вашему присутствию. Только ради самого бога проказы приходите в костюме. Хотя вы и первый теннисный мистер Таити, но видеть вас дрейфирующим в одном поясе, — бр... это на смерть зашокирует моих дам. До-свиданья.

(Трое белых уходят.)

Петрушка.

Вайраумати. Привет крылатый,
Нежный привет бороздит ладони.
Чем ты дышала все утро?

Вайраумати.

Пела:
Солнце купала на взморье желтом.
Пеной кружилась в песке горячем.

Петрушка.

Ты не забудешь меня, Петрушку,
Бедного спутника милой жизни?

Вайраумати.

Снилось мне, будто-бы ты Таити
Взял на ладонь, как берут песчинку.
Сердце народа цело вторично.

Кто твоя мать? Далеки-ли земли.
Где ты молился?

Петрушка.

Не помню. Знаю,
Что путешествовал вечно с детства.
Был господин и была пирушка
В самом сыром кабачке на взморье.
Там я очнулся. Но бросим детство.

(Поэт.)

Небо райское дышит в утрах воскрыльями
Дышит ветер, весенний, розоперстый.
Море пирогами злыми прорыли мы –
Пусть вырастет вечер пестрый.
Вайраумати!

Загорайся в полуднях цветами синими,
Черным сном обернись, встречай Петрушку.
Мальчиком знал я о всем твоём имени,
Да плакал над нищей кружкой.
Вайраумати!

Без конца далеко, ни в Крыму, ни в Англии,
Золотые туземцы, солнце, дыни.
Ныне к устам Таитянских Евангелий
Бегу от своей гордыни.
Вайраумати!

(Набежавший шквал рассыпает по воздуху миллиарды бриллиантовых брызг.
Громадные листья кокосовых пальм с шумом падают в песок. Шквал усиливается.
Туземцы танцуют на отмели, призывая дожди. Раскаленный песок, оранжево-
зеленые волны, качающиеся пальмы, снопы солнечного света, — всё
смешивается в ослепительно-гармоничном хаосе. Когда кружение красок немного
успокаивается. перед глазами вырастает крытая веранда и площадка для лаун-
тенниса.)

Петрушка, мистер Вандербильт и две барышни только что закончили сэт
н уступают место другим партнерам. Все общество в легких белых костюмах.)

Мистер Вандербильт. Bravo, мистер Петрайч! Вы играли гениально. Ни один джентльмен от Шанхая до Фриско не сумеет с такой математической точностью укладывать свои дрейфы и смэчи.

(Петрушка подсаживается к Давиду Грифу, сидящему на ступеньках веранды.)

Петрушка. Добрый вечер, Гриф! Мы с вами друзья. Расскажите мне ближайшие планы Лакаскада.

Давид Гриф. Вы знаете, что я принципиально ненавижу всю колониальную администрацию. Ближайшие планы Лакаскада несложны. Слушайте.

(За изгородью рассыпается барабанный бой, сопровождаемый правильным топотом: раз-два, раз-два.)

Голоса среди солдат.

В ногу, взвод за взводом, в ногу;
Жизнь дана нам напрокат,
Храбрость зреет понемногу.
Да здравствует мсьё Лакаскад!
Всех туземцев быстроногих Стережет худой закат.
Ждет бутылка рому многих.
Да здравствует мсьё Лакаскад!

(Песня выдыхается вдали.)

Петрушка.

Солнце мечет совершенно косые лучи.
Воздух предчувствует вечернюю прохладу.
Мне показалось — они в боевом настроении.

Давид Гриф. Вы но ошиблись. Батальон еще этой ночью выступит в горы.

Петрушка. Мне придется бежать вдоль берега четыре часа. Прощайте, дорогой Гриф.

Давид Гриф. Постойте. Я знал ваши намерения. Давид Гриф последует за вами. По ту сторону веранды нас ждут «Мэри» и «Фриско» — мои лучшие бегуны. Когда они летят — земля поет под их копытами.

(Давид Гриф и Петрушка бросаются к лошадям. Через минуту «Мэри» и «Фриско» мелькают со своими всадниками вдоль ограды.)

Мистер Вандербильд. Мистер Петрайч и мистер Гриф постыдно спасают себя от комплиментов за сегодняшнюю игру. Забавные люди. А впрочем, чорт с ними. Господа, разрешите попросить вас на веранду поужинать.

(Гости покидают лаун-теннисный корт и толпятся, обсуждая различные партии, у нижних ступенек веранды. Разверзаются мгновенные тропические сумерки. Потом гости и голоса гостей и очертания виллы поглощаются темнотой. Рассвет на взморье. Песчаный берег подвержен непрерывному нашествию белогривых валов. Над песком голубеют еще не залитые солнцем холмы. Между холмами греются банановые рощицы. За холмами громоздятся уже тронутые рассветом горы. На холмах расквартировано таитянское войско. Под горизонтом качается незнакомая шхуна.)

Петрушка. Долго нам не продержаться. Пленный француз, неважный парикмахер в Папеетэ и еще менее важный воин, передавал, что Лакасад подвозит легкую артиллерию. Наши бронзовые легионы будут расстреляны — могу поклясться. Что за шум?

(К берегу причаливает шлюпка и несколько пляшущих пирог. Шлюпкой управляет Гриф, пирогами – туземные воины. Одну из пирог украшает Вайраумати. Пирога Вайраумати засыпана цветами.)

Давид Гриф. С веселыми вестями, дорогой мистер Петрайч! Слушайте: три часа тому назад наша ночная разведка наткнулась в ущелье «Голубых маисов» на палатку его милости, господина Лакасада. Соседние палатки купались в струях прохладного сна. Господин Лакасад, не обнаружив при себе особенного мужества, разрешил нашим воинам несколько непредусмотренных законом вещей. Фаноура заткнул господину Лакасаду рот своей шелковой рубашкой и принес его, как младенца, в горы. Младенец под гнетом солидного страха задумал выменять свою голову и свою свободу на всякие поблажки и конституционные пункты в пользу проклятых черных дьяволов. Лишь одна статья заставила его брыкаться: начальству захотелось прижать к своему нежному сердцу белых зачинщиков. Но белые зачинщики, мистер Петрайч и Давид Гриф, покажут всему миру длинный десятимильный нос. Смотрите, «Мор-

ская Звезда», быстрейшая шхуна, циркулировавшая когда-либо по Тихому Океану, треплет в ожидании свои паруса.

(Вайраумати покидает пирогу. Путь ее забрасывают цветами.)

Петрушка.

Вайраумати. Нагая отмель
Гнется под солнцем волшебных взоров.
Мы покидаем тебя на время.
Весла скрипят и поют разлуку.

Вайраумати.

Ты не вернешься, забудешь друга,
Выпей цветок на простую память.

Петрушка.

Сердце Таити покорно выпью.
Белый цветок положу на сердце.
Год знойноглазый умрет, и снова
Станет Петрушка полдненным другом.

Вайраумати.

Полдень сожжен в поцелуях нежных –
Ты не вернешься, разлюбишь друга.

(Плачет.)

Давид Гриф. К лодкам! Легендарные дни растеряют блестящую чешую, длинные языки перестанут злословить о самом кротком восстаньи, ветры восточных и южных плантаций забудут печальное время, и печальное время растает. Лучшие друзья вернутся. Только не следует забывать лучших друзей. К лодкам!

(Петрушка и Давид Гриф прыгают в шлюпку. Где-то на склоне холма тоскует маорийская флейта.)

ЗАНАВЕС

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

Петрушка — пилигрим

Действующие лица:

Петрушка.

Заморская Снегурочка.

Подружки ее.

Самаркандский купец.

Праздношатающаяся лэди Судьба.

Тень Петрушки.

Папа Бенедикт.

Кардиналы.

Весенний переулочек. Слева растет пара желтых деревянных домиков. Справа качается белолобая, может быть, даже восковая, церковка. Внизу — тишина и последний снег. Повыше апрельская голубизна.

(Петрушка и Самаркандский купец.)

Петрушка. Послушайте, Самаркандское чудило! Я — кавалер ордена Мальтийской звезды. Больше: я торгую грецкими орехами. Ночью мне снится чорт знает что, днем — ничего. Днем я прыгаю, если не торгую, и торгую, если не прыгаю. На Вербной неделе я нашел невесту. Это страшно весело, и, кроме того, ее зовут Снегурочкой. Только она не настоящая Снегурочка. Подобное открытие смастерилось у меня с величайшей легкостью. Бесценная сообразительность бесценного кавалера Петрушки расцветчивает малиновыми радугами не только Мальтийскую звезду, но также и многое другое. Двумя словами: я догадываюсь, что невеста моя на самом деле долгожданная, воспеваемая любими матросами в любом приморском кабачке — Заморская Снегурочка. Милый человек, Самаркандский купец! Дайте мне займы немного денег.

Самаркандский купец.

Любезнейший! Моя мошна плохая.

Пустым пуста. Давно кредит иссяк.

Расписанный фрегат в струях Шанхая
Пошел ко дну. И вот ваш брат — босяк.
Несладкие созрели хороводы.
Сухой изюм, фисташки, че-шу-чу —
Все приняли бряцающие воды.
Мы — бедный прах. Кто скажет — я шучу.

Петрушка.

Вы жадина. Бездарный сын Катушки!
Дурной купец, у вас корявый стан.

Самаркандский купец.

Расскажите Снегурочке-простушке,
Как вы стройны.

Петрушка.

Вы просто шарлатан.

(Дерутся.)

Самаркандский купец.

Петрушке, раз!

Петрушка.

Петрушка, два!

Самаркандский купец.

Петрушка, раз!

Петрушка.

Петрушка, два!

Самаркандский купец. Во имя неба и Заморской
Снегурочки — трах!

Петрушка. Как вы смеете разбивать мою голову? Разве это ты-
ква? Можно ли так больно драться?

(Убегает. По переулочкам проходит Снегурочка с подружками.)

Самаркандский купец.

Беляночка! Красавица! Снежочек!
Через мосты, заборы, города,

Спасается забывчивый дружок.
Забудь глупца.

Заморская Снегурочка.

Петрушку? — никогда!

(Снегурочка плачет.)

Самаркандский купец. Теперь я теряю свою размеренную, сладкую, достойную речь. Не плачь, Снегурочка. Видишь вдали твоего Петрушку. Петрушка разлюбил тебя. Петрушка уезжает на край земли, быть может в Китай, где живут медноглазые драконы, быть может за Красное море, которое перешел со своими стадами великий Моисей. Хочешь, я буду твоим Петрушкой? У меня есть персидские ковры, голубые жемчуги, фарфоровые лебеди. Полюби меня, заморская Снегурочка.

Заморская Снегурочка. Ты мне нравишься.

(Подружки хлопают н ладоши. Новопомолвленные уходят, поздравляемые расшалившимися девушками. Темнеет. Едва передвигая ноги, тащится Петрушка.)

Петрушка.

Снегурочка Заморская! Давно-ли
Ты для меня из снега расцвела?
Что любитя тебе, скажи: вино-ли,
Бухарский шелк, лаванда, шептала?
Снегурочка стоит у аналя.
Куда итти, в каком кипеть аду?
Лукавая! Возьму я горе злое,
Да узелок, и странствовать пойду.

(Темнота скрывает Петрушку. Вспыхивают зарницы, переливаясь всеми цветами радуги. Затем быстро светает. На месте старых желтых домиков – высокие кленовые терема. Кругом ограда из шиповника. У ограды отдыхает лэди Судьба.)

Лэди Судьба. Вчера Николай Угодник сказал мне, будто-бы я — праздношатающаяся лэди Судьба. Что я лэди — не отрицаю. Что я судьба — не отрицаю. Что я праздношатающаяся — буду спорить. Но это пустяки. Главное, я знаю все и могу обо всем болтать. В этом доме живут Заморская Снегурочка и Самаркандский купец. Только Снегурочка больше думает о Петрушке, чем о купце или о царствии

небесном. Сорок лет пропутешествовало по этому переулочку с тех пор, как обидели Петрушку. Петрушка теперь святой человек. Выклянчивает милостыню, странствует по большим и малым путям, собирает цветы во имя Господа, поет акафисты. Два раза он ходил пешком в Иерусалим. Два раза он был в Риме, где целовал священную туфлю его святейшества, моего личного друга, папы Бенедикта. Говорят, он проделывал чудеса: исцелил безносую старуху и еще кого-то. Сейчас Петрушка возвращается сюда умирать. Я уверена, он так и не узнает этих мест, не узнает, где живет Снегурочка. Кстати она вышла на крыльцо. Ее белокурая головка стала пепельной. Глаза, по-моему, такие-же — весенние ручьи в желобах, отражающих небо. Пойду — посмотрю. Меня все равно никто не видит.

(Шиповник расступается перед лэди Судьбой. Медленно подходит, похожий на столетнего юридического, Петрушка.)

Петрушка (поет).

Дайте милостыню мне,
 Бедному Петрушке.
 Ах, в моей больной мошне
 Ни полтины, ни игрушки.
 Мы Тебя костром спалим.
 Ты – любовь и оборона.
 Ах, я знал Иерусалим,
 Доли теплые Сарона.
 Песни нищих рыбарей
 Стынут в горле, тайно зрея.
 Ах, Петрушку, друг, согрей,
 Как согрела Назаряя.

(Петрушка падает у ограды. Свертывается в клубок. Дремлет.)

Снегурочка. Что поет нищий у ограды? Мне показалось, должно-быть, — никто не поет. Весна молчит. Какой-то голос всё стучит в моем сердце: «Ах, Петрушку, друг, согрей, как согрела Назаряя». Кто пел в моей молодости эту песню? Или ветер, прохладный и солнечный, выдумал ее? Где Ты теперь Петрушка?

Петрушка. Где мне найти тебя, Заморская Снегурочка? Мне думается — я сейчас умру. Снегурочка! Снегурочка!

Лэди Судьба (Рассыпает с медленной важностью слова — и слова ее сопровождаются соответствующими метаморфозами послушной природы).

Налетают черные табуны облаков. Шумят проливные дожди. Через моря и земли переправляются события. Рим. Торжественный зал Ватикана. Лэди Судьба закончила свои дневные труды.

(Уходит.)

Папа Бенедикт.

Мы слушали с великим нетерпением
Простой рассказ о подвигах Петрушки.
Мы тронуты. Мы, Бенедикт блаженный,
Довольны всем, всей жизнью безупречной.
Молитвами причислим ныне к лику
Святых отцов Петрушку-Пилигрима.

(Перед папой Бенедиктом и кардиналами, застывшими в мысленном созерцании сладостного жития святых, проплывает неслышная тень Петрушки.)

Тень Петрушки. Приключается самое невероятное: Петрушку причисляют к лику святых. Достоин-ли мой господин такого блаженства? Впрочем, я бедная тень его, ничего не понимаю. Кто позволил мне рассуждать на эту тему? Пожалуй, я не такая глупая тень, чтобы в такие неповторяемые дни умалчивать о своем господине. Да и к тому-же рассуждать безопасно. Кавалер ордена Мальтийской звезды — настоящий прах. На всякий случай покажу им всем длинный нос.

(Показывает пане Бенедикту и кардиналам длинный нос. Продолжает болтать, в то время как опускается занавес.)

Почему зудит у меня в правом виске? Кровь приливает к сердцу и я задыхаюсь. А ведь я только бедная и абсолютно прозрачная тень. Слушайте, кардиналы, соборы, звери, капитаны, какие слова вертятся у меня на губах:

Ах, Петрушку, друг, согрей,
Как согрела Назаряя.

ЗАНАВЕС

(Художественное слово. Москва, 1920. № 2. С. 16–22.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В е н и а м и н К а в е р и н

Освещенные окна

Часть вторая: «Опасный переход».

Из глав «Лыжный батальон. Ссора» и «Вечер в кафе поэтов».

...Женя Кумминг закончил своего «Петрушку-пилигрима», позвал меня к себе (что бывало редко), и я неожиданно разнес этого «Петрушку», хотя сейчас, когда пишутся эти страницы, вижу, что это была лучшая из его «театральных поэм». Затеяливая, живая, она напоминала одновременно и русские лубочные картинки, и средневековый миракль.

Петрушка и Заморская Снегурочка влюбляются друг в друга, но Самаркандский купец отнимает у него невесту, и она, соблазнившись голубым жемчугом и персидскими коврами, выходит за него замуж. Проходит сорок лет, и праздношатающаяся леди Судьба рассказывает о том, что Петрушка стал святым человеком. «Два раза он ходил пешком в Иерусалим. Два раза целовал священную туфлю моего личного друга папы Бенедикта».

Похожий на столетнего юродивого, Петрушка умирает у ограды дома Заморской Снегурочки. Поэма кончается занимательно: Петрушку причисляют к лику святых.

ПАПА БЕНЕДИКТ.

Мы слушали с великим нетерпением
Простой рассказ о подвиге Петрушки.
Мы тронуты. Мы, Бенедикт Блаженный,
Молитвами причислим ныне к лику
Святых отцов Петрушку-пилигрима.

Но любовь к озорству не покидает героя. Проплывая перед папой и кардиналами, он показывает им длинный нос...

До сих пор мне нравилось всё, что писал Кумминг, и на этот раз, окончив чтение, он, без сомнения, ждал, что я его похвалю. Но, проямлив что-то для начала и рассердившись на себя за нерешительность, я сказал, что поэма не удалась.

— Ты находишь? — поджав губы, спросил Женя.

— Да, нахожу.

— Почему?

— Потому что празднующая леди Судьба похожа на празднующего автора. И ей и ему нечего сказать. Почему Петрушка называет Самаркандского купца сыном Катушки? Какой Катушки? Почему он говорит: «Теперь я теряю свою размеренную, сладкую речь», — и продолжает говорить совершенно так же, как прежде?

Кумминг позеленел. Он встал и медленно прошелся по комнате. Я давно привык к его «некрасоте», но как будто впервые заметил его нескладное, неуклюжее сложение, его слишком широкие плечи, узкие бедра и длинные, обезьяньи руки. Ему было двадцать лет, но сейчас, когда у него обиженно набрякло лицо, он выглядел гораздо старше.

— Ты что, с цепи сорвался? — спросил он.

Я засмеялся. Мне стало весело и захотелось сказать еще что-нибудь — похлестче.

— Как там у тебя?

И я процитировал его стихотворение, посвященное Наташе Бенар:

Пленительный метр Фрагонар
Мечтал ли об огненной деве?

Стихотворение кончалось риторическим вопросом:

А знаешь ли? Ведь я ослеп в аду.

— А собственно, кто тебя заставляет жить в этом аду? Махнул бы к родителям! Где они у тебя? В Берлине? В Париже? Интересно, знают ли они, что ты служишь в угрозыске и ловишь мешочников на вокзалах?

Он подошел к двери и, картинно ударив ее ладонью, распахнул настежь.

— Ясно, — сказал я, застегивая полушубок. — Да, забыл... Там у тебя есть еще какой-то горбатый клоун Бем. Его ты содрал у Антокольского. Прощай.

Я был уверен, что мы поссорились надолго, может быть, навсегда. Не прошло и двух недель, как под вечер, когда, вернувшись со службы, я рисовал улицу, на которой жил портной Шваммердам, герой моего первого рассказа, в дверь постучали. Я открыл. Веселый, прифрантившийся Кумминг поздоровался как ни в чем не бывало.

— Пошли в Кафе. Сегодня интересный вечер. «Искусство или агитация». Коган против Айхенвальда.

Я ответил:

— Пошли.

Мы о чем-то говорили дорогой, но «Петрушка-пилигрим» упомянут не был. Кумминг как будто молчаливо признал, что отношения между нами изменились. И не потому, что мне не понравилась его поэма, а потому, что я разругал ее грубо. Он понял, что это произошло не только потому, что я был в дурном настроении: мне надоел его учительский тон. И теперь я с облегчением чувствовал, что с меня как бы снялось добровольное обязательство восхищаться всем, что он написал.

Но, казалось, и он был доволен: редко я видел его в таком хорошем настроении. Он что-то насвистывал, шутил...

— Уж не жениться ли ты собрался?

Он засмеялся.

— Нет. Знаешь, а ведь я ушел из угрозыска.

— Почему?

— Мне предложили другую работу, — сказал он значительно. — Точнее сказать, я сам себе ее предложил. И получил согласие.

— Что же это за работа?

— А вот поговорим... Не сегодня. Вопрос должен решиться на днях. Впрочем, я уверен в успехе.

Когда мы пришли в Кафе, уже не было свободных мест, и весь вечер мы простояли <...>.

Поздно вечером наша «Зеленая мастерская» в полном составе возвращалась из Кафе поэтов.

Москва была таинственная, огромная, заваленная снегом, искрившимся под луной. Мы шли и громко читали Маяковского:

Эй, вы!

Небо!

Снимите шляпу!

Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,

положив на лапу

с клещами звезд огромное ухо.

— На днях я к тебе загляну, — прощаясь, сказал Кумминг. — Это дело, о котором я тебе говорил... Возможно, что оно покажется тебе любопытным.

(Каверин В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 7:
Освещенные окна: Трилогия. С. 314–317, 319.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Э. М. Миндлин

Литературная Москва

Петербург не принимал участия в бешеной и непрерывной смене литературных вех, не изобретал быстротекущих направлений и школ, но оставался верен, в сущности, одному направлению, одной школе — Петербургской. Сказать о поэте — «Петербургский» — значит не только определить место его жительства, но подробно и точно характеризовать склад его поэтической физиономии.

Москва не любит Петербурга и, кажется, Петербург не любит Москвы. В Москве даже диспут как-то был устроен во Всероссийском Союзе Поэтов под названием: «Петербургское сукинсыство».

В течение 4 лет, говоря о литературной Москве, приходилось иметь в виду почти исключительно стихописательскую Москву. В области литературной иной не было. Бесчисленное множество стихописателей наводнило столицу РСФСР: Москва кишела десятками поэтических школ. Ежедневно (буквально не преувеличивая) выпускались манифесты, декларации, воззвания от имени плодившихся групп и школ. Поэтические пророки объявлялись внезапно: на бульваре в кафе, на Хитровке у советской водогрейни (ничевочки), в гастрономических магазинах, в пошлейших литературных особняках, — где только не объявлялись они. В Москве можно было насчитать около 3 десятков поэтических школ. Главнейшие из них: *центрифугисты, футуристы, ничевочки, символисты, акмеисты, нэореалисты, сюжетисты, имажинисты, нэоклассики, нэоакмеисты, бытики, парнасцы, эклектики, экспрессионисты, фуисты, люменисты, этернетисты, презантисты, эксклюзивисты, беспредметники, нэоромантики* и так далее. Почти *полторы тысячи* московских поэтов, несмотря ни на какие тяжелые экономические условия, на полнейший упадок полиграфического производства,

умудрялись выпускать десятки книг, а некоторые даже сотни. В результате — небывалое перепроизводство стихотворных сборников. Теперь их начинают продавать на вес. Стихи читались повсюду: в кафе, на улицах, в особняках, в театрах, в кино, в Политехническом музее, на перекрестках. И наконец, Москва пресытилась стихами. Устала от них. Может быть, вернее — мы перешагнули через *стихотписание*. Мы оставили его где-то позади. Оно уже в прошлом. Реакция — сначала у стихочитателей и стихослушателей, затем у стихописателей. Теперь еще продолжают писать стихи или очень упорные или уж «поэты Божьей милостью».

Совершенно невиданное зрелище: публичное покаяние поэта: больше писать не буду, простите великодушно, добрые люди, грешил по молодости. Первым, кажется, Шершеневич подал пример. Еще в прошлом году. Тоже: отказ от стихотписания, да еще публичный с популярной лекцией: «Почему я перестал быть поэтом».

А сейчас это в моде.

Прежде, встречаясь, уныло поздравляли друг друга:

— Вы тоже уже — поэт. Поздравляю.

А теперь наоборот:

— Вы тоже уже не поэт. Поздравляю.

Поэтические кафе пустуют. Кафе Домино (Всерос<сийский> Союз Поэтов) — ладья без руля и без ветрил. В «Ладье», впрочем, торгует буфетчик армянин и очень бойко. Кафе имажинистов «Стоило Пегаса» второй год не функционирует. Давно также закрыт клуб пролетарских поэтов «Кузница», умирают «Лирический круг», «Литературный Особняк», другие.

Наряду с вырождением стихотписания — *повышенный интерес к прозе*. Шум, поднятый вокруг Серапионовцев, и успех этой интересной группы начинает сменяться скептически критическим отношением к ней

Начинается реакция против господства *формального метода* в литературе. Устали от нахлынувшего фольклора и фонетики. Не удовлетворяют обновляемые «слова» и «словечки», и явственно определяется новое требование в литературе: *недостаточно метода наложения*. Не хотим только «как». Подавай — «что». Покажите «что» можете сказать, а не только «как» можете говорить. Где *ваши* видение мира?

Отсюда интерес к зарубежным русским писателям — конечно, принявшим революцию, как Эренбург, Толстой, и известный вызвал интерес Зозуля. Рассказ ого «Мелочь», вызвавший шум в советской

печати, — пожалуй, лучшее из бытового, написанного о революции. У него — наибольшая острота современности и умение волновать...

Но еще ничего нельзя сказать, кто же настоящий, кто «тот», кого ждали. Мы все еще — накануне. Мы каждому приходющему дню заглядываем в глаза и спрашиваем:

— Не ты ли наш «настоящий» день?

(*Накануне. Литературное приложение № 28. (Берлин). 1922. № 196. 26 ноября. С. 5.*)

Литература

1. *Вольпин Надежда*. Глазами друга. Вспоминая Сергея Есенина // Звезда Востока. Ташкент, 1987. № 3–4.

2. «Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / публ. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 345–397.

3. *Каверин В.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 7: Освещенные окна: Трилогия. 590 с.

4. *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М.: НЛЮ, 2003. Т. 2: Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. 808 с.

5. *Кугушева Н.П.* Проржавленные дни: собрание стихотворений / сост. А.Л. Соболев. М.: Водолей, 2011. 336 с.

6. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы. современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 766 с.

7. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы. современников. Библиография / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921–1922 гг. 704 с.

8. *Струве Г.* Из моих воспоминаний: об одном русском литературном кружке в Берлине // Три Юбилея Андрея Седых. Альманах. Нью-Йорк: Литературный фонд, 1982. С. 189–194.

9. *Тименчик Р.Д.* По поводу «Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма» // Russian Literature. 1977. Т. 5. № 4. Р. 315–323.

10. *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: НЛЮ, 2018. 1060 с.

11. *Pogodina S.* Драматическая трилогия Евгения Кумминга «Легендарная жизнь и достойная смерть Петрушки» // Littera Scripta VIII: Jauno filologu rakstu krājums. 2012. № 1. S. 117–123.

Research Article

The Stormy Life of Evgeny Kuming. Moscow, 1918–1921

© 2023. Andrey B. Ustinov
Center for Open Studies,
San Francisco, USA

Abstract: The essay reconstructs the Moscow period of the literary biography of the poet and playwright Evgenii L'vovich Kuming (1899–1980), starting with the establishment of the All-Russian Union of Poets in December 1918 until his immigration to Estonia in the Spring of 1921. The author reconstructs his participation in Moscow literary associations “The Green Atelier” (“Zelenaia masterskaia”), “The Literary Mansion” (“Literaturnyi osobniak”), “The Link” (“Zveno”) as well as the historical context of his creative activities. Literary life of those years was largely concentrated in writers’ clubs, and cafes, where numerous events were held with poetry readings, polemical discussions, etc. The essay traces in detail Kuming’s participation in such literary meetings. Kuming’s “dramatic trilogy” *The Legendary Life and Worthy Death of Petrushka* (1920), which appears as a vivid example of the poetic avant-garde of the post-revolutionary years, is republished in the Appendix.

Keywords: Evgenii Kuming, Veniamin Kaverin, Moscow literary life of the late 1910s – early 1920s, literary life, “The Literary Mansion,” “The Green Atelier.”

Information about the author: Andrei Ustinov — PhD in Philology, Fellow at Center for Open Studies, San Francisco, California, USA.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0521-0974>

E-mail: abooks@gmail.com

For citation: Ustinov, A.B. “The Stormy Life of Evgeny Kuming. Moscow, 1918–1921.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 186–229. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-186-229>

References

1. Vol'pin, Nadezhda. “Glazami druga. Vspominaia Sergeia Esenina” [“Through the Eyes of a Friend. Remembering Sergei Yesenin”]. *Zvezda Vostoka*, no. 3–4. Tashkent, 1987. (In Russ.)
2. “‘Drebezzhanie moikh rzhavykh russkikh strun...’ Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1940–1967)” [“‘The Rattling of My Rusty Russian Strings...’ From the Correspondence between Vladimir and Vera Nabokov and Roman Grinberg (1940–1967)”], publ. by R. Iangirov. *In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina [In Memoriam. Historical Collection in Memory of A.I. Dobkin]*. St. Petersburg, Paris, Feniks-Atheneum Publ., 2000, pp. 345–397. (In Russ.)
3. Kaverin, V. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols.]*, vol. 7: *Osveshchennye okna: Trilogiia [Illuminated Windows: Trilogy]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 590 p. (In Russ.)

4. Krusanov, A.V. *Russkii avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor: v 3 t.* [*Russian Avant-garde, 1907–1932: Historical Review: in 3 vols.*], vol. 2: Futuristicheskaia revoliutsiia (1917–1921) [*Futuristic Revolution (1917–1921)*], book 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 808 p. (In Russ.)

5. Kugusheva, N.P. *Prorzhavlennye dni: sobranie stikhotvoreniĭ* [*Rusted Days: Collection of Poems*], comp. A.L. Sobolev. Moscow, Vodolei Publ., 2011. 336 p. (In Russ.)

6. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy. sovremennikov. Bibliografiia* [*Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews. Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920], ex. ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)

7. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy. sovremennikov. Bibliografiia* [*Literary Life in Russia in the 1920s. Events. Reviews. Contemporaries. Bibliography*], vol. 1, part 1: Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. [Moscow and Petrograd. 1921–1922], ex. ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 704 p. (In Russ.)

8. Struve, G. “Iz moikh vospominanii: ob odnom russkom literaturnom kruzhke v Berline” [“From my Memories: about One Russian Literary Circle in Berlin”]. *Tri iubileia Andreia Sedykh. Al'manakh* [*Three Anniversaries of Andrey Sedykh. Almanac*]. New York, Literaturnyi fond Publ., 1982, pp. 189–194. (In Russ.)

9. Timenchik, R.D. “Po povodu ‘Antologii peterburgskoi poezii epokhi akmeizma’.” [“Concerning the ‘Anthology of Petersburg Poetry of the Epoch of Acmeism’.”]. *Russian Literature*, vol. 5, no. 4, 1977, pp. 315–323. (In Russ.)

10. Shrubina, M. *Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [*Dictionary of Pseudonyms of the Russian Diaspora in Europe (1917–1945)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1060 p. (In Russ.)

11. Pogodina, S. “Dramaticheskaia trilogiia Evgeniia Kumminga ‘Legendarnaia zhizn' i dostoinaia smert' Petrushki’.” [“Drama Trilogy by Eugene Kummings ‘Legendary Life and Worthy Death of Petrushka’.”]. *Littera Scripta VIII: Jauno filologu rakstu krājums*, Nr. 1, 2012, ss. 117–123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 11.05.2023
Одобрена после рецензирования: 11.06.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 11.05.2023
Approved after reviewing: 11.06.2023
Date of publication: 25.09.2023